

ББК 63.1

T.N. Soboleva, D.S. Bobrov

**Современная российская историография
концепции фронта***

T.N. Soboleva, D.S. Bobrov

**The Modern Russian Historiography
on the Frontier Conception**

Рассматриваются основные подходы и выявляется специфика современной российской историографии теории фронта. На основе анализа работ различных исследователей впервые выделены направления в отечественной историографии проблемы.

Ключевые слова: фронт, Ф. Тернер, российская историография, социально-географическое направление, цивилизационное направление, альтернативное направление.

The article touches basic approach and reveals specificity of modern Russian historiography on the frontier conception. Basing on analysis of different researcher's investigations the authors for the first time allocated main directions in domestic historiography of the problem.

Key words: frontier, F. Turner, Russian historiography, socio-geographic direction, civil direction, alternative direction.

В конце XX – начале XXI в. система методологических подходов и стандартов отечественной исторической науки подверглась резкой критике и частичному пересмотру. Своеобразная «идеологическая свобода» в выработке методологического подхода сделала возможным привлечение зарубежных теоретических установок к рассмотрению российских явлений. Одним из воплощений этого процесса явилось заимствование американской теории фронта.

Терминологическая категория «фронт» была введена в научный оборот американским исследователем Ф. Тернером, который впервые употребил специфическое понятие в 1893 г. в докладе «Значение границы в американской истории». Не предлагая четкого, целостного определения, в общем виде Ф. Тернер трактовал фронт как границу между освоенными и неосвоенными землями, как «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды» [1, с. 23–27]. Позднее в изложении другого американского ученого Е. Фернисса фронт выглядел как «точка или момент встречи между дикостью и цивилизацией» [2]. На первый план Ф. Тернер выдвигал идею географического детерминизма, т.е. представления о том, что своеобразии окружающей среды и географической границы как ее составляющей предопределяет специфику развития общества и цивилизации. Привлекательной стороной концепции явилось сочетание пространственной и временной парадигм. Несмотря

на приоритет географического фактора, у американских исследователей фронт выступает связующим звеном различных исторических периодов, поскольку представляет собой событие не одномоментное, а протяженное.

Концепция фронта в отечественной исторической науке оказалась востребована прежде всего учеными – специалистами в области истории Сибири. Европейская часть России (за некоторым исключением) [3] при широком научном и физико-географическом потенциале осталась в стороне от этого процесса.

Сибирские исследователи восприняли концепцию фронта своеобразно. Теоретические разработки идеи, предложенной Ф. Тернером, были направлены не на углубленное изучение методологических составляющих явления, а на построение линий сравнительного анализа американского и сибирского фронтов. Отсюда вытекает еще одна особенность проблематики – небольшое количество историографических работ. Первым попытку историографического анализа теории фронта предпринял известный ученый-сибиревед Д.Я. Резун [4, с. 29–54]. Предметом его изучения явилось издание 1997 г. «Американские исследования в Сибири. Американский и сибирский фронт». Анализируя ключевые моменты коллективной монографии, автор совершенно справедливо отметил, что книга представляет собой размышления отечественных историков о сходных моментах истории Сибири и Америки. Центральное место в статье

* Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

отводится рассмотрению двух трудов – А.Д. Агеева и Н.Ю. Замятиной [4, с. 29–40]. Д.Я. Резун подробно разбирает эти работы, выявляет причинно-следственные связи в авторских концептуальных построениях, приводит контраргументы, опровергающие изначальные тезисы. Однако при всех своих достоинствах статья новосибирского исследователя основана на анализе минимального числа исследований.

Томский ученый М.Я. Пелипась подробно рассмотрел американские научные изыскания в фронтирной плоскости. Несомненным достоинством авторского подхода является более подробное раскрытие идей основоположника фронтиризма Ф. Тернера. Труды современных российских историков рассматриваются в неразрывной связи с положениями американского коллеги. По нашему мнению, это открывает более широкие перспективы для исследовательской работы, так как зачастую тернеровскую концепцию сводят исключительно к идее «подвижной границы», что, безусловно, является узким взглядом на проблему [5, с. 57–74]. Несмотря на изначальный историографический посыл статьи, основное ее содержание представляет собой анализ ряда научных мероприятий, посвященных изучению теории фронта.

Весомый вклад в развитие историографии теории фронта внес красноярский исследователь А.С. Хромых. На сегодняшний день его авторству принадлежит наиболее целостная историографическая работа, ставящая в центр внимания именно эволюцию исследовательской мысли в теоретической плоскости фронта, а не отвлеченные понятия и категории [6, с. 106–112]. Автором проведен тщательный и кропотливый анализ работ историков, что является неоспоримой заслугой исследования. А.С. Хромых не только выявляет и подвергает зачастую критическому рассмотрению позиции различных ученых, но и сопоставляет их между собой, находит узлы противоречий, обозначает логические связи отдельных элементов позиции.

Своеобразный подход к видению историографии теории фронта представлен в работе В.П. Румянцев и Е.В. Хахалкиной [7, с. 106–126]. Системообразующим элементом исследования стало заочное сравнение европейских исторических трудов, посвященных фронтиризму, с современными российскими работами. При построении рассуждений использован проблемный принцип, что нарушает логическую целостность излагаемых концепций. Помимо этого, круг отечественных работ, использованных В.П. Румянцевым и Е.В. Хахалкиной, является неполным, а уже существующие историографические обзоры авторами не затрагиваются.

Таким образом, несмотря на определенные достоинства, преждевременно говорить о том, что исследование российской историографии теории фронта

завершено. До сих пор не выделены направления в историографии явления, авторские позиции рассматриваются изолированно, попытки поиска общих черт в логических построениях исследователей остаются единичными. В свою очередь, проведенный нами анализ позволяет выделить три основные направления в отечественной историографии концепции фронта: социально-географическое, цивилизационное и альтернативное.

Для социально-географического направления характерно суждение о первостепенном влиянии на фронт географического или пространственного фактора, который находится в тесной связи с социальными категориями. Эти дефиниции отстаивают в своих работах несколько ученых, одним из которых является Н.Ю. Замятина. Ее концептуальную позицию отличает стремление дать определение рассматриваемому явлению и провести анализ взаимосвязи компонентов, входящих в него. Первоначально фронт воспринимается Н.Ю. Замятиной в общем виде как специфический институт, способствующий формированию американского общества [8, с. 39]. В следующей своей статье ученый указывает, что «фронт – зона особых социальных условий, то есть территория, социальные и экономические процессы на которой определяются идущим процессом освоения» [9, с. 75–76]. Иными словами, первичным является географический фактор, выраженный в специфике протекания интегративных явлений. При таком подходе важнейшим структурным элементом фронта, по мнению Н.Ю. Замятиной, является неустойчивое равновесие [9, с. 78–79]. Конкретизируя эту категорию, она выделила два вида неустойчивости: природную экстремальность и военно-политическую нестабильность. Мы разделяем позицию исследователя относительно второго вида неустойчивости. Вместе с тем тезис о природной экстремальности заслуживает более детального изучения. Далеко не все географические регионы, при изучении которых используется концепция фронта, обладают экстремальностью в географическом плане. Скорее всего, речь должна идти не о природной экстремальности, а о природном своеобразии как факторе неустойчивости. Неотъемлемой частью дефиниции «фронт» для Н.Ю. Замятиной является положение о социальном фронте, обладающем чертами социальной пограничности [10, с. 176].

Практически параллельно с Н.Ю. Замятиной происходило становление концепции иркутского историка А.Д. Агеева. Он рассматривал взаимоотношения таких понятий, как американский «фронт» и сибирский «рубевж» в контексте так называемого цивилизационного разлома. Согласно мнению ученого, изначально существовало движение двух встречных фронтов: «русско-сибирского» и «американского». Их встреча произошла в Тихом океане, а результатом явилось столкновение и возникновение цивилиза-

ционного разлома [11, с. 30]. Критикуя этот тезис А.Д. Агеева, А.С. Хромых отмечает, что место встречи двух движущихся сил явилось контактной зоной [6, с. 107]. Однако красноярский исследователь допустил методологическую неточность, заменив понятие «фронт», используемое А.Д. Агеевым, понятием «цивилизация». В позиции А.Д. Агеева эти термины синонимичными не являются. Иркутский историк в своих рассуждениях опирался на положение А.И. Неклесса о том, что «историческое пространство Нового времени» исчерпано, отсутствие потенциала привело к «кризису цивилизационной модели» [12, с. 13, 17]. В связи с этим не стоит усматривать в концепции А.Д. Агеева приоритет цивилизационной модели, тем более, что сам историк отмечал высокую роль в возникновении фронта нескольких факторов: климата, пространства, капитала. Не выделив более или менее значимые компоненты, автор не обозначил и систему приоритетов. Тем не менее даже первичный анализ позволяет объединить климат и пространство в один компонент, влияющий на образование и возникновение специфики фронта – географический. Именно он является у А.Д. Агеева первичным. Что касается капитала как фактора эволюции фронта, то это положение в свое время было убедительно опровергнуто Д.Я. Резуном [4, с. 30–31].

Совершенно по-иному воспринимают фронт представители другого направления – цивилизационного. Географический фактор у них приобретает вторичное значение, а на первый план выходит взаимодействие пришлого и автохтонного населения. При этом каждая из двух сторон является представителем обособленной цивилизации (или культуры как одного из вариантов). В числе первых обосновал эту позицию Д.Я. Резун. В одной из своих работ он отмечает, что под термином «фронт» обычно понимают «место или момент встречи двух культур разного уровня развития» [13, с. 3–7]. Несколько расширяя такую трактовку, уважаемый автор отмечает, что фронт возможен только при встрече и контакте двух культур разного уровня цивилизации. Аргументация подобного положения основана на утверждении, что при соприкосновении культур одинакового уровня фронт невозможен, поскольку не рождается сообщество нового качества. Эти положения Д.Я. Резуна следует считать ключевыми в силу того, что отказ от приоритета географического и эволюция социального фактора в цивилизационный являются авторским новаторством. Рассуждая о динамике фронта, в частности сибирского, Д.Я. Резун выделяет несколько показателей, повлиявших на его формирование: исторический фон, пространство, климат и рельеф [13, с. 8]. В контексте обоснования влияния исторического фона на изменчивость фронта (на примере Сибири) автор отмечает, что освоение региона в XVII–XIX вв. протекало при значительном влиянии Русского централизованного

государства [14, с. 32–34]. Однако нам кажется, что это суждение является спорным. Центральная власть обладала лишь незначительными рычагами контроля за административными, социально-переселенческими и этноконфессиональными процессами в условиях зоны постоянной неустойчивости.

В несколько ином направлении протекали научные изыскания М.В. Шиловского [15, с. 101–118]. Не отбрасывая мысль о цивилизационных контактах как движущей силе фронта, новосибирский исследователь проследил процесс эволюции фронта. В этой связи ему удалось выстроить одну из наиболее четких концепций понимания сущности фронта. М.В. Шиловский выделил несколько видов фронта (в контексте истории Сибири), последовательно сменяющих друг друга. В соответствии с авторским мнением сначала возникает внешний фронт, при котором происходит знакомство цивилизаций, еще не вошедших в своеобразное «огораживающее поле» колонизации. Внешний фронт переходит во внутренний при условии не только включения территорий в состав государства, но и оформления подданных отношений с автохтонным населением. Наибольший интерес, по мнению М.В. Шиловского, представляет именно внутренний фронт, т.е. точки соприкосновения постоянных русских поселений с местом проживания местных народов внутри зарождающегося фронта. Завершающим видом фронта является внутривизантизм, который связан с появлением специфической местной культуры, складыванием особой ментальности.

Нельзя обойти вниманием весьма своеобразную концепцию молодого красноярского ученого А.С. Хромых. Целенаправленно развивая положения М.В. Шиловского, автор отмечает, что необходимо говорить не о видах, а о стадиях фронта, поскольку они последовательно сменяли друг друга. При таком подходе внешний фронт – это места первой встречи пришлых людей с аборигенами; внутренний фронт – сложившиеся контактные зоны, в которых русские поселения вкрапляются в места проживания местных народов, а вся территория уже входит в административное поле государства. В условиях же внутривизантизма, по мнению А.С. Хромых, формируется новое сообщество или особый вариант старой общности на основе различных взаимодействий [16, с. 3–4, 20–21]. Однако несмотря на восприятие межцивилизационных, межэтнических контактов как важнейших факторов, красноярский исследователь определяет фронт как «зону особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций» [17, с. 108–113]. На наш взгляд, это является не совсем удачной попыткой синтеза двух совершенно разных концептуальных подходов, имеющих крайне мало точек соприкосновения. Гораздо более продуктивными мы считаем положение

А.С. Хромых о том, что в рамках теории фронтаира актуальность приобретают исследования конкретных территорий на относительно коротком промежутке времени (около 30–50 лет) [18, с. 67].

В научном плане наиболее разнородным является альтернативное направление трактовки фронтаира. В отношении него невозможно полностью систематизировать и объединить методологические посылы разных авторов. Каждый из них стремится привнести в понимание фронтаира новые элементы, не всегда соотнося их с общей концептуальной линией Ф. Тернера. Дело в том, что, не предложив емкого определения понятия, американский историк избрал методологическую канву, согласно которой, фронтир не может рассматриваться вне контекста процесса освоения, а значит, историзм является неотъемлемой чертой данной научной категории. Исследователи, отнесенные нами к альтернативному направлению, в своих изысканиях нивелируют значимость либо пространственной, либо временной (исторической) парадигм фронтаира.

Круг авторов, которые могут быть рассмотрены в этом контексте, достаточно широк. В частности, это Н.Н. Приходько, А.И. Широков, А.А. Тихонов и др. Остановимся лишь на некоторых из них. Так, Н.Н. Приходько отмечает связь геополитики с понятием «фронтир». В своих рассуждениях исследователь переводит исторический термин в современную геополитическую плоскость и с его помощью стремится объяснить специфику протекания политических про-

цессов [19, с. 98–106]. Столь своеобразная дефиниция фронтаира искажает представление об историческом процессе, который основан на неразрывной связи прошлого и настоящего. А.И. Широковым предложен тезис о распространении «волн фронтаира». Автор использовал понятие «фронтир» применительно к процессам освоения северо-востока России в XX в., которые он отождествляет со второй волной фронтаира. В свою очередь, к фронтаиру первой волны ученый относит события сибирской истории XVII–XIX вв. [20, с. 91–94]. Вопрос о внутреннем, локальном членении фронтаира затронут авторами коллективной монографии «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX в.». Пытаясь развить основные положения американской концепции, исследователи вводят новый термин «области фронтаира». Согласно их утверждению, «области фронтаира – это зоны создания и разрушения, противостояния структур ядра и периферии, которые являются источником социальных перемен» [21, с. 202].

В заключение хотелось бы отметить, что различия между направлениями не могут восприниматься как непреодолимая рубежная грань, а сами направления не являются антагонизирующими. Каждое из них представляет попытку, с одной стороны, расширить и обогатить в научном плане идеи Ф. Тернера, с другой – выработать логически завершенную теоретическую модель, которая позволила бы в дальнейшем рассматривать явления российской истории через призму теории фронтаира.

Библиографический список

1. Turner F.G. The Frontier in American History. – N.Y., 1920.
2. Furniss E. Imaging the Frontier: Comparative Perspective from Canada and Australia [Electronic resource]. URL: http://epress.anu.edu.au/dft/mobile_devices/ch02.html
3. Рахимов Р.Н. Башкирия – юго-восточный фронтир России [Electronic resource]. URL: <http://www.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=393>
4. Резун Д.Я. О некоторых моментах осмысления значения фронтаира Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. – Вып. 1. – Новосибирск, 2001.
5. Болховитинов Н.Н. О роли «подвижной границы» в истории США // Вопросы истории. – 1962. – №9.
6. Хромых А.С. Проблема «сибирского фронтаира» в современной российской историографии // Вестник ЧелГУ. – 2008. – №5(106). История. – Вып. 23.
7. Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронтаира в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы // «Славянский мир» Сибири. Новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. – Томск, 2009.
8. Замятина Н.Ю. Образ фронтаира в США и России // Американские исследования в Сибири. Американский и сибирский фронтир. – Вып. 2. – Томск, 1997.
9. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. – 1998. – №5.
10. Замятина Н.Ю. Норильск – город фронтаира // Вестник Евразии. – 2007. – №1.
11. Агеев А.Д. Американский «фронтир» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американские исследования в Сибири. Американский и сибирский фронтир. – Вып. 2. – Томск, 1997.
12. Неклесса А.И. Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат. – СПб., 2000.
13. Резун Д.Я. Введение // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. – Вып. 4. – Новосибирск, 2005.
14. Резун Д.Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск, 2005.
15. Шиловский М.В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки

в XVII–XX вв.: общее и особенное. – Вып. 3. – Новосибирск, 2003.

16. Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2009.

17. Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронт» в изучении истории Сибири // Исторические исследования Сибири. Проблемы и перспективы : сб. материалов III региональной молодежной науч. конф. – Новосибирск, 2009.

18. Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII вв. в свете теории фронта : дис. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2008.

19. Приходько Н.Н. Фронтальная теория в геополитике на Востоке России // Вестник ТГУ. – 2007. – №298.

20. Широков А.И. Социальная среда северного фронта (на примере северо-востока России) // Вестник ТГУ. – 2007. – №299.

21. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX в. / В.В. Алексеева, Е.В. Алексеева, К.И. Зубкова, И.В. Побережникова. – М., 2004.